

Джига / рассказ

Category: Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Джига / рассказ ДЖИГА

*Потом в открывшуюся дверь
Видны подушки, стулья, склянки.
Вошла – и слышатся теперь
Обрывки злобной перебранки.*

Потом вонючая метла
Безумца гонит из угла.

Вл. Х–ч, 1923 г.

1.

Назарова приговорили в курдском ресторане у бензоколонки. Там, где федеральная трасса М-3 подбирает дорогу на райцентр Бабынино.

Хозяина звали то ли Темир, то ли Табир, но был он не курд, а турок-месхетинец, чудом выживший во время Ферганского погрома 89-го года. Однако все почему-то считали его курдом.

Разглядывая невыразительное лицо курда, Ян прислушивался к постукиванию собственных пальцев о полипропиленовую столешницу и пытался угадать, какую именно мелодию пытаются они озвучить.

Несколько раз ему чудилось что-то знакомое из мрачных песнопений австралийца Ника Кейва, но потом мотив распадался, становился бессмысленным и бестолковым.

Он был другом Назарова еще с детства. Сегодня, в день встречи с его врагами, он явился пораньше, занял место в углу и попросил принести десерт из сливочного крема с карамельной корочкой.

Из окна хорошо просматривалась вся трасса. «Идеальное место для стрелка», – думал он.

Пожелтевший дальний лес волнами уходил за холмы. Возле

остановки на ободранном рекламном щите можно было различить лицо какого-то местного политика. Левая щека оторвалась, и под ней были видны неразборчивые письма заклеенной старой рекламы.

Спустя полчаса, так и не притронувшись к десерту, он заметил подъезжающий к стоянке черный «Инфинити». Из него вышли двое незнакомцев и пожилой человек по имени Кучум – уже издали он узнал этот продолговатый лысый череп с углублением посередине. Череп так похожий на седло.

Они долго спрашивали его о том, о сем, недоверчиво поглядывая то в лицо ему, то на руки, продолжавшие барабанить по столу.

В коротких паузах разговора, когда наступала тишина, ему чудилось, будто со стороны барной стойки доносится странный металлический звук, похожий на то, как если бы кто-то стриг ногти.

Наконец, один из них, сидевший слева от Кучума, задал Яну вопрос, которого он ожидал.

Сегодня ночью, в гостиничном номере, в тридцати километрах отсюда, он трижды отвечал на этот вопрос разным людям, являвшимся ему в его фантазиях об этой минуте.

«Почему он решил сдать своего лучшего друга?»

Первый раз этот вопрос застал его врасплох, и он долго медлил под взглядами своих воображаемых собеседников, так ничего и не сказав им.

Второй раз придумал историю, далекую от правды, и по выражению лиц понял, что пришедшие к нему призраки не поверили.

И уже третий раз, под утро, немного подремав с открытыми глазами, он решил, что нет ничего страшного, если он откроется и расскажет правду. В конце концов, только это могло убедить их.

И вот теперь, когда ночные фантомы ожили, но из-за волнения и бессонной ночи не стали хоть сколько-нибудь живее, он решил открыть им все про себя, про Ольгу и про Назарова.

Не вдаваясь в некоторые подробности, позорные для его мужского самолюбия, он рассказал, как Назаров в пьяном виде, ничего не понимая, изнасиловал девушку, на которой он собирался жениться. И как после этого она покончила с собой.

– Это просто животное, грязный крысарь, – сказал Ян. – У него никогда не было ничего святого, и никогда он никого не любил. Собственных родителей загнал в гроб. Единственного сына запугал, выгнал из дому. Теперь вот пустил под откос и мою жизнь. Поэтому я пришел к вам. Я знаю, вы тоже его не любите. Я хочу его смерти.

Один из незнакомцев, подумав, сказал, что сложить Назарова – дело непростое. Всем известно, что у Назарова хорошая охрана, он осторожен, как шопенфиллер, умен, как три барельефа, и главное, чертовски везуч. Может быть, лучший друг сможет указать на его слабое место или подскажет какой-нибудь верный способ. Ведь, кажется, ради этого он сюда и приехал?

– Да, способ есть, – ответил Ян. – Я знаю единственную ночь в году, когда с ним легко покончить. Дело в том, что сразу после Перестройки его родители получили 6 соток в дачном кооперативе «Речник». Родители соорудили там домик с печкой, посадили сад. И вот туда после их смерти раз в год он приезжает с ночевкой. Он приезжает совершенно один, охрана остается в мотеле, в трех километрах оттуда.

– Но ты сам только что рассказал, как он относился к родителям, – удивился Кучум. – Зачем он приезжает? Почтить их память?

– Не их, – ответил Ян, – он приезжает ради Джиги.

– Кто такая Джига?

– Такой, – поправил Ян. – Это его пес. Он похоронен возле дома под яблоней. 17 сентября – день смерти Джиги.

– Значит, он любил Джигу, – расхохотался Кучум, – не любил отца с матерью, наплевал на сына, на друзей, но любил какого-то кобеля. Слушай, мелиоратор, а ты часом не заливаешь?

– Когда Джига умер, я сам помогал ему хоронить его. Первый раз в жизни я видел, как Назаров плачет. Он положил в яму возле Джиги его ошейник, поводок, щетку для шерсти и любимую игрушку. После этого он всегда ездил туда один.

– И он не боялся, что его убьют?

– Однажды я спросил об этом. Он ответил: эти 6 соток – единственное место на свете, где ему не страшно.

– Это почему?

– Потому что Джига его охраняет.

– Джига?! Мертвый Джига?!

– Да, так он сказал. Когда он спит в этом доме, то слышит в голове звон цепи. Это душа Джиги. Она посажена на цепь и ходит вокруг дома. Он сам выдумал эту чушь и верит в нее. Смотрим на календарь. Какое сегодня число? Послезавтра он снова будет там.

– Слушай, – задумчиво произнес Кучум, – а как у него с мозгами? Крыша не протекает?

– Вообще-то в прошлом он – боксер. У боксеров с возрастом такое случается. Все свои последние дела он делал во время очередного провала памяти. Ему нельзя пить. Когда он пьет, что-то в нем отключается, и он становится похож на зомби. То же самое произошло с Ольгой. Но я его никогда не прощу.

– А ты? – спросил Кучум. – Ты ведь, я слышал, тоже боксер?

– И что?

– Просто спрашиваю.

– Да, мы начинали вместе. В одном спортинтернате.

И вот в этот осенний день Назарова приговорили.

2.

В ночь на 17-е он лежал с открытыми глазами в той же гостинице, в той же комнате, с тем же номером 17, комнате длинной, холодной и неудобной, как больничный коридор.

Потолочная темнота, свисавшая над самой головой; окно с синеватым блеском да еще какие-то посторонние звуки, приходившие навестить его то из ванной, то откуда-то сверху.

Кто-то негромко кашлял за стеной сухим кашлем, как будто откашливался песком. Кто-то прошелся на каблуках над самой головой.

И Ян вдруг вспомнил, что взял комнату на последнем этаже и, значит, каблукам явиться было совершенно неоткуда.

Он встал, подошел к окну, вытряхнул из пачки несколько сигарет и жадно закурил.

В окне был виден дворик частного владения.

И несмотря на позднее время и мрак, едва подсвеченный

нездоровым желтовато-синим сиянием, между утлыми постройками с лестницей в руках прохаживался какой-то человек.

Человек останавливался у сарая, прикладывал лестницу, но вместо того, чтобы начать восхождение, снова брал ее в руки, нес к другому строению и снова прикладывал, как будто бы у него в руках была не лестница с перекладинами, а что-то вроде измерительного прибора со шкалой, и каждый раз приставляя лестницу, он измерял высоту.

Когда была докурена третья сигарета, вдруг раздался звонок.

Ян подошел к телефону, стоявшему на тумбочке, но брать трубку не решился.

Через некоторое время телефон зазвонил снова. Голос администратора спросил, не желает ли он развлечься.

Подумав, Ян согласился. Ему надо было расслабиться.

Спустя несколько минут в дверь постучали. На пороге стояла высокая стройная девушка с театрально нагримированным лицом. На ней было черное платье в бабочках и туфли с непомерно высокими каблуками.

Когда они стали раздеваться, он вдруг спросил ее:

– Это не ты ходила в каблуках по потолку?

Она выразительно посмотрела на него, но ничего не ответила. Он понял, что сморозил глупость, хотел что-то добавить, но промолчал.

Четыре часа подряд они занимались любовью, и все время перед его глазами мерцала и закатывалась эта грубо намалеванная маска, которую ему так хотелось содрать с ее лица.

Когда завершили, она потребовала дополнительную плату.

– Ты совсем меня замучил, – объяснила она, – кто знал, что ты такой жеребец.

Он подумал, что платит ей за лесть, а не за дополнительную работу, но все-таки доплатил. Он очень нуждался сейчас в поддержке. Он не расслабился, но хотя бы получил от этой синтетической сберкасы приятный комплимент.

– Не могу понять, что со мной, – сказал Ян, – я думал, что вообще ничего не получится, все эти дни я почти ни ел, почти не спал.

– Чего ж это ты не ел и не спал? – спросила она равнодушно.

– Я поспорился с девушкой. Она встретила моего друга и... не важно...

– Ты, наверное, сильно любил ее?

– Как сказать... Я не знаю. Но это была пощечина. Понимаешь?

– Не очень, – ответила она, внимательно посмотрев на него и заметив, что голый худой человек перед ней, весь синий от наколок, глубоко погружен в какие-то свои мысли и разговаривает на темном для нее языке.

– Ну ладно, иди, – сказал Ян. – Хотя нет, постой. Скажи мне, ты не знаешь, что там за человек во дворе с лестницей?

Она подошла к окну, посмотрела:

– Там никого нет.

И быстро собралась уходить.

– Тебя как зовут? – спросил он, когда она была уже у двери.

– Да вроде бы я говорила. Ты что, забыл?

– Нет, почему, не забыл. Ладно. Пока.

Она пожала плечами и вышла. Босая, держа в руках свои туфли, вся облепленная бабочками своего безвкусного платья.

Ян лег и почувствовал, что скоро уснет. Ему стало легче и спокойней. Все-таки это расслабляет.

Нужно пережить лишь один день. Потом он вернется в Москву, соберет вещи и улетит в Таиланд. В Таиланде он уже снял дом с бассейном и садом. Первая линия от океана. Там будет много таких, как эта, даже лучше, без всех этих масок, скрывающих рожи. Как же все-таки ее зовут?

Через четыре часа за ним заехали. Один из тех, кто был с Кучумом – его звали – Сергей, и собственно исполнитель – невысокий кавказец с сухой подбитой фигурой, его звали Камал.

У Камала был устрашающий вид. Но несмотря на это, Сергей, который, как и он, видел его впервые, всю дорогу до мотеля поддразнивал Камала, предлагая сигареты из пачки «Кэмела» и спрашивая, много ли в Дагестане осталось верблюдов. Камал молчал, что-то произносил в ответ нечленораздельное, но ни разу не улыбнулся.

К обеду они подъехали с другой стороны мотеля и встали среди многочисленных автомобилей. Рядом стояла автоцистерна с надписью «Живая рыба».

Через некоторое время у мотеля остановился автомобиль Назарова. Из него вышли двое охранников. Они о чем-то поговорили с ним, и направились к мотелю. Назаров пересел на место водителя и поехал в сторону Калуги.

– Отсюда три километра, – сказал он Сергею.

– Ты говорил, я помню. Переждем где-нибудь до вечера. А потом двинем.

Они проехали с полчаса на юго-запад, пока ни нашли какое-то более-менее приличное заведение. Он снова заказал себе сливочный десерт, и снова не притронулся к нему. Сергей попросил борщ. Камал ел шурпу из баранины.

До вечера было много времени, и каждый занялся своим делом. Сергей, откинув сидение, слушал в автомобиле радио и когда заканчивалась мелодия, он спорил с диджеем, называя его то гондоном, то пидором, и со злости плевал в придорожную пыль. Камал, прислонившись к багажнику, невозмутимо разговаривал по телефону на своем языке.

Через два часа после того, как стемнело, они тронулись в путь. Объезжая глубокие рытвины, они ехали мимо унылых полей, и он вспомнил тот первый раз, когда ему довелось побывать в этих местах и то чувство при виде этих просторов. Тогда ему показалось, что где-то справа, чуть дальше, должна быть большая вода, неизвестно почему, но показалось – большая вода – озеро или река.

Тогда же он спросил об этом у Назарова и тот с равнодушным видом подтвердил, что действительно в километре отсюда течет Ока, разливающаяся весной на полкилометра.

Вспоминая об этом сейчас, он чувствовал гордость за свою интуицию, хотя понимал, что его интуиция по сравнению со звериной интуицией Назарова – просто ничто.

Как же звали эту девку в гостинице? Черт, он этого не помнил.

У него тоже, как и у Назарова бывали провалы в памяти. Но это были неглубокие, мелкие провалы, похожие на те плоскодонные ямы, которые сейчас с такой легкостью они объезжали. Назаров был сильнее, потому что его провалы, его мрак были глубже и катастрофичнее. Наблюдая за Назаровым, он часто думал, что невозможно так долго удерживаться на краю этой бездны. Однако

жизнь доказывала, что он не прав. Назаров ходил по краю уже многие годы. Время от времени было чувство, что этот безумец заступит за край и провалится вниз, и он заступал, но не падал, а иногда даже шел над бездной, аки по суху, и эта бездна хранила его, как родного. И ничего удивительного, что в этой жизни душа Назарова нашла общий язык с душой другого животного. Есть же животные, которые могут предсказывать землетрясения или чувствовать приближение смерча. Ничего этого сам он не мог. Он сам мог лишь чувствовать на дальних подступах к бездне, как под ногами уже начинает осыпаться земля, и в такие моменты он всегда трусил и отступал. Всегда, но не сегодня. Сегодня, несмотря на плохое предчувствие и многочисленные недобрые знаки, он решил идти до конца. И поэтому не спал, не ел, поэтому у него дрожали пальцы, и поэтому, пытаясь скрыть от посторонних эту дрожь, Ян заставлял их стучать то по столу в ресторане, то по бардачку в автомобиле.

Они подъехали к окраине дачного поселка.

— Останови вот здесь, возле рыболовного магазина, — сказал он Сергею, — часок подождем, и двинем.

Автомобиль притормозил у невысокого строения, обитого жестяными листами. У запертой двери крупными буквами было выведено три слова: «Червь. Опарыш. Мотыль».

3.

В прошлом году 17 сентября приходилось на воскресенье, и над дачным поселком курился дым от мангалов, неслась из разных углов всякая неуместная музыка.

Но сегодня был понедельник, и стояла мертвая тишина.

Назаров сидел возле яблони с бутылкой финской водки у догорающего костра, и ему казалось, что вокруг на многие километры ни одной живой души.

Только он и Джига, памятник которому из самого дорогого черного габбро он поставил два года назад. Гравировал лучший московский гравировщик с Ваганьковского кладбища. Собачья морда смотрела так же, как и в тот зимний вечер, когда он

впервые увидел Джигу.

...В тот вечер он возвращался домой пешком мимо стройки и возле подъезда из-под забора прямо перед ним выскочили на снег пять щенков и загородили ему дорогу.

Один из них, усевшись, посмотрел ему прямо в глаза. Он посмотрел в глаза так пристально, как будто смотрел не в глаза, а в какую-то даль, которую он в них разглядел, на какого-то маленького далекого человека, затерянного в этой дали. Назаров остановился, почему-то смутившись, топнул ногой. Все остальные щенки разбежались, а этот, не испугавшись, продолжал смотреть прямо ему внутрь и вилять хвостом.

— Джига! А ну-ка иди сюда! — крикнул чей-то сиплый голос.

Назаров повернулся и увидел старика-сторожа, загонявшего щенков обратно на стройку. Он подошел к Назарову, поднял щенка на руки. От щенка пахло прокисшим собачьим молоком.

— Почему— Джига? — спросил он сторожа.

— Да внучка назвала, — ответил тот, — она у нас народными танцами занимается. Кроме Джиги есть еще два кобелька: Фокстрот и Чардаш. И девки: Мазурка и Ламбада. Хотите охрану? Назаров отказался.

— Жалко щеночков, — сказал, уходя, старик, — замерзнут. Вон какой морозище. А ночью еще сильнее ударит. Девать-то их особенно некуда.

Весь тот вечер Назаров почему-то вспоминал эти собачьи глаза и никак не мог забыть. Часов около трех ночи он проснулся от страшной дрожи. Его трясло так, будто он пил до этого не просыхая недели две. В оконных щелях гудело и завывало, поднялся ветер, белые клочья летели за стеклом, и над подоконником вырос небольшой сугроб.

Он быстро встал, оделся и, не помня себя, как будто под каким-то гипнозом, побежал на улицу.

Он долго стучал в железные двери вагончика, пока ни вышел заспанный сторож. Его продолжало трясти:

— Эй, слышишь, где твой Джига?

Сторож что-то пробурчал, запахнулся в тулуп, отвел его в сторону котлована, где под холодными трубами теплоцентрали в гнезде из старых ватников лежали щенки. Снег почти полностью

занес их.

— Эх, одна уже готова, — сказал старик и вынул из дрожащего скопления щенков небольшую мороженую тушку. — Это кто у нас? Мазурка. Бедная Мазурка.

— Где Джига? — нетерпеливо спросил он.

— Да вот, — сторож поднял за шкурку Джигу, вся морда которого была облеплена белым и из этого белого торчали черные иглы усов.

Назаров дал сторожу деньги, попросил до окончания метели забрать остальных к себе в сторожку, а Джигу понес домой.

Напоенный теплым молоком из блюдца, Джига быстро пришел в себя. Через полчаса он уже перестал дрожать. И Назаров с удивлением заметил, что странная дрожь, возникшая этой ночью в его теле, также проходит.

И Джига остался у него...

...Бутылка водки была опустошена. Костер догорал. Возле него лежали свежие березовые дрова и охотничий топор.

Назаров выкурил сигарету и, шатаясь, поплелся в домик.

Не зажигая свет, наощупь, он миновал предбанник, и направился в зал, где тускло горел ночник.

Перед тем, как лечь, он остановился возле родительского серванта, привезенного ими сюда со старой квартиры. Этот сервант напоминал какой-то иконостас, где вперемежку с фотографиями родственников, многих из которых он не помнил или не знал, стояли в деревянных и жестяных золоченых рамочках картонные иконы, также его боксерские дипломы и грамоты. Последние годы, приезжая сюда, Назаров стал молиться на этот сервант. Он не знал да и не хотел особо знать каких-то правильных, не им придуманных слов, включенных неизвестными составителями в непонятные ему молитвословы. Недоверчивый и злой, он слишком привык в этой жизни все делать самостоятельно, не полагаясь на чужой опыт и знания, и поэтому слова молитвы были у него такие же самодельные, грубо сколоченные, первобытные, как и он сам.

Среди многочисленной родни и картонных лиц с нимбами его взгляд устремлялся к фотографии Джиги. Он сам поставил эту фотографию два года назад на свободное место между фотографией

двоюродной сестры и какой-то большой иконой из бисера.

Перед тем, как лечь и заснуть, он выкурил еще сигарету, потушил светильник и забрался в кокон из нескольких старых одеял.

...Ночью во сне он вдруг услышал, как где-то в правом дальнем углу его головы раздался металлический звук. Что-то дернулось, пошатнулось, стало распутываться и греметь, как цепь. Потом послышался лай. Так лаял Джига. Это был его голос. Привязанный на цепь и засаженный глубоко в голову, в каком-то тайном и малодоступном отделе его черепной коробки, Джига пытался его поднять. Назаров вскочил с кровати, но вместо знакомой ему комнаты с сервантом-иконостасом какая-то сила опрокинула и вынесла его в странное помещение с низкими потолками и бесконечным количеством комнат, лестниц и переходов. Лай раздался где-то в конце длинного коридора. Джига лаял истошно, бешено, и Назаров, обдирая локти, побежал на этот звук. За поворотом была яма, уходившая глубоко вниз, даже не яма, а колодец, на дне которого черным антрацитовым блеском сверкала полужидкая масса. Ему пришлось остановиться, чтобы понять, не оттуда ли лает Джига, но уже спустя несколько секунд, лай раздался со стороны черного окна, зиявшего в черной дальней стене, и Назаров помчался туда. Но когда он хотел выскочить из окна, то понял, что на окне решетка. Он дернул ее несколько раз, решетка не поддавалась. Тогда он стукнул по ней ногой – она снова не двинулась. Тогда он разбежался, ударил еще сильнее и выбил ее. Выскочив из окна, он побежал дальше, вперед, на лай, который вел его за собой. На несколько секунд ему показалось, что в лицо ему ударил запах осеннего сада и речной ветер, но впереди был низкий туннель, ему пришлось сильно пригнуться.

...Возвращавшиеся в ту ночь рыбаки из поселка видели странную картину. Огромный полураздетый человек бежал по проулку мимо заброшенных участков садового кооператива «Речник».

Он бежал на согнутых ногах, сильно пригибаясь, будто боясь, что ударится головой о что-нибудь низкое.

Человек останавливался, прислушивался, принюхивался, затем снова бежал, без всякой причины совершал прыжок, снова останавливался, снова прислушивался и бежал.

Он бежал с открытыми глазами, однако как будто ничего перед собою не видел.

В руке у него был топор.

Между тем Джига вел Назарова по каким-то странным запутанным следам, коридоры и переходы все не кончались, Назаров стал уставать и несколько раз падал.

Через некоторое время в конце одного из коридоров ему почудился свет. Джига перестал лаять, а только сопел, и по этому сопению он догадывался, куда надо идти.

Осторожно ступая, он подошел ближе. Впереди была огромная комната с высокими потолками. В ней комнате дерево, похожее на яблоню в его дворе.

И возле дерева сама по себе без всякой стены стояла дверь, похожая на входную дверь его дачи.

У двери маячили три тени.

Тени отперли дверь, и стали украдкой поочередно входить в нее. Назаров постоял и пошел вслед за тенями.

4.

...Утром в одну из комнат мотеля на втором этаже громко постучали. Охранник Назарова встал с постели и отпер дверь.

— Что-то случилось?

— Случилось!... — истерично закричал Назаров и вбежал в комнату. — Где Егорка?

— В соседнем номере, с телочкой...

— Буди срочно! Но сперва — постой — на вот ключи от дачи. Мы с Егором — в Москву. А ты сейчас туда поедешь, на дачу. Помощь твоя нужна. Мешки с цементом в гараже, как раз возле ямы. Вода в бочках. Быстро закатай их и возвращайся.

— Да что произошло?!

Назаров прикрыл за собой дверь.

— Веришь — не помню... — шепотом произнес он. — Утром глаза продираю — в комнате на полу три жильца. И все трое — топором по башке замандячены. Одного ты знаешь.

— Латыш? — осторожно спросил охранник.

— Ага, Ян Вацетис, Ванечка мой дорогой. Мы же с ним с детства...

из одного интерната... мой первый бой на районных в Бердянске... он тогда выиграл у меня, но в финале проиграл, взял серебро... какой верный дружок был... как я теперь без него?... Рогомёты, босаяки волосатые!... Кто, кто их там троих положил?!... Найду – уничтожу!..

...Уже спустя полчаса Егор вез Назарова в Москву. Половину дороги Назаров нервничал и просил ехать быстрее, постоянно почему-то приговаривая вполголоса: «...Червь... опарыш... мотыль. ...Червь... опарыш... мотыль...».

Но потом успокоился, стал улыбаться и даже травил анекдоты о Ельцине. На подъезде к городу он заснул безмятежным детским сном.

И до самых Воробьевых гор спал спокойно, откинув назад голову, с открытым ртом, в котором так ярко светилось золото.

Об авторе: АЛЕКСАНДР БАРБУХ

Прозаик, сценарист, фотограф. Родился в Симферополе. Учился в Литературном институте им. Горького, отделение прозы. Окончил филологический факультет Симферопольского государственного университета. Работал ночным сторожем на складе видеокассет концерна «Видеосервис», инструктором служебного собаководства, фотографом, учителем русского языка и литературы; сценаристом, режиссером и редактором на телевидении; сценаристом-сюжетчиком в московском отделении британской телекомпании «Fremantle Media», шеф-редактором на телеканале СТБ (Украина), в кинокомпании Амедиа (Москва) и др. Рассказы печатались в московских сборниках прозы и в журнале «Дружба народов». Живет под Москвой.